

* Название взято из стихотворения Синь Цицзи, и, как и многие другие стихи Синь Цицзи, оно может показаться тоской по человеку, но в то же время это тоска по утраченной родине, так как стихотворение было написано во времена Южной Сун. Вся строка, из которой взято название, гласит: «Мне б с ветром попутным отправиться в путь, в бескрайнее небо за тысячи ли, на горы и реки родные взглянуть» (перевод: Алена Алексеева).

— Дуань Лин! Дуань Лин!

У Ду верхом на Вань Ли Бэнь Сяо выехал за пределы Цзянчжоу, с досадой глядя на юношу. Тот же, неспешно развернув коня, замер под ослепительным звездным небом на окраинной тропе. Величественная лента Серебряной реки прорезала темноту, и в мерцании созвездий Дуань Лин улыбнулся У Ду.

— Поехали? — спросил он.

— Поехали?! — У Ду чуть не задохнулся от возмущения. — Твой дядя-император шкуру спустит с твоего господина!

Дуань Лин вздохнул и хмуро кивнул, готовый вернуться обратно в Цзянчжоу, и У Ду, наблюдая за ним, почувствовал, как сжалось его сердце. Если ему удастся стереть этот понурый вид с лица Дуань Лина, то это будет стоить того, чтобы с него содрали кожу.

— Ладно-ладно... — махнул рукой У Ду. — Куда ты хочешь отправиться? Иди ко мне.

Хмурый взгляд Дуань Лина исчез, превращаясь в улыбку:

— Правда?

— Куда? — спросил У Ду. — Скоро взойдет солнце. Что может быть настолько важным, что ты не можешь подождать до утра?

— На край света, — ответил Дуань Лин, медленно приближаясь к У Ду верхом на лошади.

Тот взглянул на юношу и произнес:

— Тогда вперед. С тобой я поеду хоть на край земли.

Дуань Лин, ступив в стремя У Ду, ловко вскочил на спину Бэнь Сяо, устроившись впереди. Теперь, когда они разместились на одной лошади, У Ду дернул поводья, крикнув:

— Пошел!

Бэнь Сяо, будто ступая по облакам, ворвался в утренний туман, окутавший дороги Цзянчжоу. Влажная дымка скользнула мимо, и звезды Серебряной реки поблекли, растворившись в первых лучах утренней зари. На краю Янцзы вспыхнуло багровое солнце, залив мир ослепительным светом, словно даровав ему новую жизнь.

— Что вчера случилось? — обняв Дуань Лина, У Ду притянул его к себе, словно защищая, и тихо спросил.

— Всю ночь нам вчера с неба звезды сияли, всю ночь ветерок оведал, — с улыбкой продекламировал Дуань Лин. — На западе - красочный терем стоял, на востоке - изысканный зал...

— Хоть мы не чудесные фениксы с парюю крыл, поднимающих ввысь, но наши сердца, удивительно связаны, тут воедино слились... — подхватил У Ду*.

* Стихотворение поэта династии Тан Ли Шаньиня. Вторая строка, которую произносит У Ду, настолько известна, что является идиомой. Перевод: Алена Алексеева.

— Всю ночь пировали, играли в крючки мы, согреты весенним вином, и, сидя напротив, отгадки искали, и свечи алели кругом...

Воспоминания постепенно окунули его в то время, когда он учился в Прославленном зале, и голоса детей, читающих стихотворения, сливались с ним в унисон.

— ... Досадно же было под бой барабанов, зовущих на службу к утру нестись на коне к Орхидеевой Башне, как ивовый пух на ветру.

Дуань Лин свернулся калачиком в объятиях У Ду и постепенно заснул. Когда они покинули границы Цзянчжоу, по обеим сторонам дороги виднелись пруды с остатками увядших лотосов. Утренний ветерок посылал рябь по осенней воде, а в мерцающих волнах отражалось бескрайнее чистое небо.

У Ду мчался с ним на север вброд через Янцзы, превращаясь в порыв ветра, когда они галопом скакали мимо золотистых рисовых полей, бескрайних равнин, куда возвращались перелетные птицы, и бесчисленных луж после осенних дождей, вдыхая свежий аромат земли, пока они все дальше устремлялись на север. Горные пики с белыми облаками, поля и леса были уже не черно-белыми, как на картине, нарисованной кистью, а постепенно наполнялись красками.

Казалось, само небо и земля превратились в живой свиток — многоцветный, свежий и безбрежный. Дремавший Дуань Лин приподнял голову с груди У Ду. Ему чудилось, будто они прошли путь от ранней весны до знойного лета, а затем, прорвавшись сквозь стрекот цикад и буйную зелень, достигли золотой пучины поздней осени.

Весенние травы буйно разрастаются на покоренной земле;

Развалины летнего дворца погребены под толщей пыли*.

* Стихотворение из 1 главы

— Это то место, куда ты хотел попасть?

— Нет.

Так они пересекли границу Южной Чэнь и проехали через Жунань.

А северный гусь письма мне не передал, слезами моими запятнан бамбук у реки*.

* Еще одно стихотворение Ли Шаньиня о тоске по человеку, находящемуся далеко.

— Может, это?

— И это не то.

Не останавливаясь на отдых, они покинули Лоян.

В конце концов, У Ду, следуя пути, проложенному им на север много лет назад, привел Дуань Лина к окраинам Шанцзина. Шрамы, оставленные войной на теле столицы Ляо, давно затянулись, и крупнейший город севера постепенно наполнился жизнью.

Солнце клонилось к закату. Среди горных вершин раздался колокольный звон. Осенний ветер, уже отдававший холодом, шелестел в опавших листьях, а на горизонте висела бледная полная луна, словно сливаясь с багряным небосводом. У Ду остановил коня на горном склоне, и они с Дуань Лином молча лицезрели Шанцзин. В городе мерцали огни, и в каждом доме зажигались фонари.

Сегодня было пятнадцатое число восьмого месяца — Праздник середины осени. Монголы не отмечали его с тех пор, как много лет назад ханьцы, спрятав в лунных пряниках записки с призывом «Бороться против северных варваров», подняли восстание и развязали кровавую битву у перевала Цзянцзюнь.

Монголы, разумеется, не ели лунных пряников и не отмечали этот ханьский праздник, а вот кидани — да. Говорили, что каждую осеннюю ночь полнолуния в императорском дворце Елюй Цзунчжэня в Чжунцзине зажигали множество фонарей, чтобы он мог с нежностью вспоминать старых друзей.

— Зайдем посмотреть? — У Ду в простом боевом одеянии присел на краю утеса, всматриваясь вниз. Он напоминал белого тигра, в ночной тишине наблюдающего за кипящей жизнью у подножия гор — шумной, яркой, многолюдной.

Раз добрались уж сюда, следовало и спуститься. Но У Ду знал: по характеру Дуань Лина, тому порой хватало лишь издали бросить взгляд.

Как и ожидалось, Дуань Лин произнес:

— Ладно, давай уйдем.

— Не уйдем, — У Ду повернул голову, глядя на него, и рассмеялся.

Вдруг Дуань Лин почувствовал, что широкая спина У Ду словно создана, чтобы на нее опереться. Он рванулся вперед и взгромоздился на него. У Ду, смеясь, произнес:

— Поехали домой!

В сердце Дуань Лина невольно поднялся прилив тепла. У Ду, неся его на спине, медленно шагал по тропинке за городской стеной, разглядывая окрестности. Шанцзин уже не был той неприступной северной крепостью — у городских ворот У Ду взял Дуань Лина за руку, а тот на киданском языке объяснил стражникам, что пришел навестить родственников. Стража без лишних вопросов пропустила их.

— Сегодня вечер воссоединения, — прошептал Дуань Лин, стоя у ворот и глядя на праздничный город. По обеим улицам клены рдели осенней кровью, смешивая отсветы фонарей с толпами горожан и луной, висевшей на краю небосвода.

Это был все тот же Шанцзин, что он помнил — он остался неизменным. Сжимая большую ладонь У Ду, он поспешно зашагал с ним по главной улице к дому. Проходя мимо аптеки, оба невольно остановились.

— Я здесь уже был, — сказал У Ду.

— И я, — ответил Дуань Лин.

У Ду приподнял дверь аптеки и отодвинул в сторону. Дуань Лин зашел за прилавок: помещение давно не ремонтировали, ящики для трав валялись в беспорядке, и все давно опустело. Он взял наполовину сгоревшую свечу со стойки, зажег ее и поставил на стол. Комната мгновенно наполнилась теплым светом, а их силуэты затанцевали на оконных решетках.

— Пойдем отсюда, — сказал Дуань Лин, ведя У Ду через задний двор аптеки. На прощание он

обернулся: при мерцающем свете вся аптека напоминала огромный фонарь с тенями, в котором отражались людские радости, горести, многочисленные встречи и разлуки.

После бедствия, постигшего этот город, население еще не полностью восстановилось. Пройдя по переулку к родному дому, Дуань Лин толкнул покосившиеся двери из красного дерева. Во дворе все заросло мхом, а на столе все еще стояла чаша, из которой когда-то перед расставанием пил Цай Янь. Теперь она наполовину была заполнена дождевой водой.

«Я не очень хорошо готовлю. Мне до Чжэн Яня далеко. Когда позже отведаешь чего получше, точно забудешь про этот скромный ужин. Но пока придется довольствоваться тем, что есть.»

Лан Цзюнься, казалось, все еще хлопотал на кухне. Дуань Лин заглянул внутрь и с улыбкой спросил:

— Лан Цзюнься, а где мой отец?

Лан Цзюнься взглянул на него и ответил:

— Твой отец будет здесь к тому времени, когда зацветут персики.

Дуань Лин повернулся и вышел во двор. У Ду разместился в лежаке, где прежде отдыхал Ли Цзяньхун, и позвал его:

— Иди посмотреть на луну.

Дуань Лин подошел, пристроился рядом с У Ду, и они тихо лежали вместе.

«У тебя все руки в грязи, а ты вытираешь их о лицо отца», — говорил Ли Цзяньхун, проходя по галерее и смеясь в сторону Дуань Лина.

Дуань Лин резко вскочил и услышал, как ветер пронесся по коридору, заставив заржавевшие ветряные колокольчики зазвенеть. У Ду спросил:

— Ты проголодался?

— Проголодался, — ответил Дуань Лин. — Давай прогуляемся. Помню, тут неподалеку продавались вкусные шаобины.

У Ду убрал меч и вышел из дома вместе с Дуань Лином. Когда они оказались на главной улице, Дуань Лин шел вдоль городской стены. Пересекая центральную реку, У Ду украдкой поглядывал на воду — видимо, вспоминал тот случай, когда прыгал в замерзшую реку. Дуань

Лин не удержался от шуток.

Вскоре У Ду подхватил Дуань Лина, взметнулся на крышу и, перепрыгивая по черепице, словно тень промчался через целый квартал. Спустившись вниз, он купил два шаобина, два кэтти говядины и четыре таэля вина. Схватив покупки одной рукой, он снова взобрался на карниз и направился к следующей улице.

Подойдя к воротам Прославленного зала, Дуань Лин с удивлением обнаружил, что здание отремонтировали, и занятия возобновились. Правда, дети уже разъехались по домам на праздники, а стражник сменился — теперь у ворот сидел старик, который, изрядно напившись, ушел пораньше.

— Я уже бывал в этой конюшне, — сказал У Ду, входя с Дуань Лином через черный ход.

Дуань Лин как раз жевал шаобин и чуть не поперхнулся:

— Ты еще тогда проломил крышу главного зала!

У Ду, покатываясь со смеху, взял Дуань Лина за руку. В два прыжка они взобрались на стену, а затем перемахнули на крышу. Растянувшись на кровле Прославленного зала, они любовались ярким лунным диском и потягивали вино.

— Мой господин, — позвал Дуань Лин.

— Угу, — отозвался У Ду, пригубивая вино. — На севере луна особенно круглая. В следующем году отвезу тебя в Шанцзы.

— Хорошо. Еще хочу увидеть высокие горы и великие реки.

— Времени предостаточно. Ты оставил сообщение для своего дяди?

В конце концов, вопрос касался безопасности самого У Ду. Дуань Лин рассмеялся:

— Оставил еще при выходе из дворца.

Они смотрели на небо, пока луна не поднялась к зениту. Вдруг задние ворота со скрипом открылись, и вслед за этим послышался знакомый голос.

— Не ожидал тебя здесь встретить, — произнес Бату.

— В Цзянчжоу... не смог поехать, — Хэлянь Бо причудливо вращал клинок в руке. — Вот и

решил... составить компанию Его Величеству... прогуляться.

— Давайте объявим временное перемирие за мой счет, — раздался голос Елюй Цзунчжэня. — Борджигин, тебе и так нелегко было добраться сюда издалека, да и охраны с собой мало. Если начнешь в городе драку, это не принесет тебе ничего хорошего.

Бату презрительно фыркнул:

— Если бы не ваша засада, я бы и не показался.

— Эта поездка — путешествие по дороге воспоминаний, так что давайте устроим ужин в честь воссоединения. Видно, нам суждено было свидеться снова, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Вели принести нам пару кэти вина, выпьем его здесь же. Поднимем наши чаши за Дуань Лина на далеком юге, пусть луна всегда будет полной, как и наш стол — и чтобы независимо от расстояния, мы смотрели на одну и ту же луну.

Дуань Лин смотрел на них, не произнося ни слова.

У Ду бросил взгляд на Дуань Лина, собираясь спуститься, но тот схватил его за руку и проложил палец к губам, призывая не действовать опрометчиво. В тот же миг стража Елюй Цзунчжэня начала обыскивать здание Прославленного зала. У Ду обхватил Дуань Лина за талию и, словно огромный кот, перенес его на край загнутой крыши. Спрятавшись в тени соседнего павильона, они молча наблюдали, как внизу во дворе пили вино и любовались луной.

Хэлянь Бо, Елюй Цзунчжэнь и Борджигин Бату — трое сидели при лунном свете, осушая чаши, а Дуань Лин с У Ду, прижавшись друг к другу на крыше, тихо наблюдали. Луна клонилась к западным горам, и серебряный диск заливал мир холодным сиянием. После трех кругов вина Бату внезапно затянул веселую, героическую песню.

Его голос, мощный и необузданный, нарушил тишину, испугав ворон, которые неподвижно сидели в эту лунную ночь, и те взметнулись в небо. Хэлянь Бо и Елюй Цзунчжэнь стали отбивать ритм палочками по чашам, заполнив воздух мелодичным звяканьем.

Это была монгольская народная песня. Дуань Лин понял ее смысл: под полной луной над степью ветер колышет травяное море, волны бегут к горизонту, а тоска, подобная журавлям, улетающим на юг и возвращающимся обратно, кружит меж небом и землей.

Когда Бату закончил петь, он тяжело вздохнул. Но тут же в ночи зазвучала флейта — ее мелодия, то едва слышная, то ясная, спустилась с крыши и поплыла над миром. Все трое вздрогнули, одновременно подняв головы. В ярком лунном сиянии четко вырисовывался силуэт юноши, а рядом, на загнутом краю крыши, стоял еще один мужчина.

Стража бросилась вперед, но Елюй Цзунчжэнь остановил их жестом. Бату, не веря своим

глазам, медленно поднялся и шагнул в центр двора, не отрывая взгляда от силуэтов на крыше.

Мелодия флейты Дуань Лина лилась печально и нежно. За годы, проведенные с У Ду, он наконец выучил эту песню. Хоть он и играл еще неуверенно, но в ветреном воздухе музыка звучала довольно пронзительно.

В отличие от У Ду, чья игра превращала стальную жесткость в шелковистую мягкость, Дуань Лин дул в инструмент с большой силой. Мелодия неизбежно обретала мощный металлический звон, звуча словно прощание и сожаление. Наконец она постепенно растворилась в лунном свете, пока не исчезла вовсе.

— Дуань Лин? — голос Бату задрожал.

У Ду превратился в черную тень и с Дуань Лином на руках скользил по неровным крышам Шанцзина, покидая город, а затем вскочил на спину Вань Ли Бэнь Сяо и помчался прочь. Перед самым отъездом Дуань Лин поднял взгляд к ослепительно чистой луне.

— Пора домой! — сказал Дуань Лин.

— Поехали! Вперед! — У Ду пришпорил Вань Ли Бэнь Сяо, унося Дуань Лина прочь. В ушах свистел ветер, а под копытами коня расстилались тысячи ли рек и гор.

***

Конец

<http://bllate.org/book/15657/1400691>